

Когда Дуань И вернулся с утренней едой, Нин Синчжи и Даос Цинсуй уже закончили разговор.

Дуань И принёс суп с лапшой, помедлил у двери и, не услышав никаких звуков, громко произнес:

— Завтрак готов, отворяйте скорее, забирайте!

Нин Синчжи открыл дверь, глаза его были ещё слегка покрасневшими.

Дуань И сделал вид, что ничего не заметил, и преувеличенно бодро произнес:

— Кунжутные лепёшки из лавки Чжоу, но стоило мне чуть-чуть задержаться, как там уже выросла огромная очередь. Ешьте скорее, пока горячие!

Усевшись вокруг стола втроём, учитель и двое учеников принялись за завтрак. Дуань И не удержался от вздоха:

— В последний раз мы втроём завтракали вместе целых три года назад!

— И то верно. — Даже при всём своем широком и безмятежном кругозоре Даос Цинсуй не смог сдержать вздоха. Глядя на молча уплетающего еду Нин Синчжи, он вдруг почувствовал на сердце тяжёлую тоску: сколько же в человеческой жизни таких трёхлетних периодов?

Покончив с завтраком, Нин Синчжи спросил Даоса Цинсюя:

— Учитель, как долго вы намерены пробыть в столице на этот раз?

Даос Цинсуй любил странствовать по горам и рекам, помогая простым людям. Если бы не обучение Нин Синчжи, он бы вообще не провёл в Сицзине столько лет. И в этот раз он явился в столицу внезапно исключительно ради Нин Синчжи — иначе ни за что бы не приехал.

— Переведу дух — и сразу в путь, — ответил Даос Цинсуй.

— Почему так спешно? — удивился Нин Синчжи.

Хлыст со свистом рассек воздух, едва не обрушившись на женщину. Нин Синчжи сунул купленные вещи в руки Дуань И, взмыл в воздух и ударом ноги сбил коня с толку.

Скакавшие впереди Нин Синчжи молодые люди на ходу взмахивали хлыстами и принимались бранить его:

— Что за отродье здесь вылезло, смеет преграждать путь нашему молодому господину!

— Хорошо. — Нин Синчжи взял флягу с вином и вышел. Даос Цинсуй тяжело вздохнул и сказал Дуань И:

— До самого совершеннолетия А Чжи будет грозить смертельная опасность. Ради всего святого, не уезжай из столицы в ближайшие два года, держись при нём и приглядывай.

Проводив Даоса Цинсюя до самых ворот Цзиньгуанмэнь, Нин Синчжи хотел было проехать с ним ещё немного, но Даос Цинсуй велел ему возвращаться.

Даос Цинсуй похлопал Нин Синчжи по плечу, словно собираясь сказать что-то ещё, но в конце концов лишь протянул ему винную флягу:

— Ступай, наполни для учителя, мы уже трогаемся в путь.

Когда Нин Синчжи вернулся, Даос Цинсуй и Дуань И уже ждали у входа в постоянный двор, держа коней под уздцы.

Он отдал наполненную вином флягу Даосу Цинсюю, а остальное вино и любимые лакомства старика уложил в полотняные седельные сумки.

Нин Синчжи оглянулся назад и увидел мчавшийся по рынку отряд богато одетых юношей на горячих конях.

Юноша, получив удар, несколько раз перекувырнулся по земле, и его спутники тут же соскочили с седла.

— Ты виноват перед собой, перед приемной матерью, перед всеми, кто тебя любит. — Дуань И крепко обнял Нин Синчжи за плечи и легонько сжал их. — Так что запомни: впредь ты должен беречь себя.

— Вот как... — Они так долго не виделись с Даосом Цинсюем, и подумать только — стоило встретиться, как снова приходится расставаться. Настроение Нин Синчжи неизбежно упало.

— Проезжая через Нинчжоу, я столкнулся с заболевшим ребенком, поставил ему пару иголок и сразу помчался сюда, а теперь надо спешить обратно, навестить больного, — пояснил Даос Цинсуй.

Конь занервничал, из рук юноши выскользнул и отлетел в сторону хлыст. Перехватив чужой хлыст, Нин Синчжи смахнул наглого седока прямо на мостовую.

Лицо Дуань И помрачнело:

— Не беспокойтесь, учитель, я защищу А Чжи.

Несколько человек бросились поднимать упавшего юношу, а остальные с бранью двинулись на Нин Синчжи.

— Знаю я, — с улыбкой отозвался Нин Синчжи. Одно дело — знать головой, и совсем другое — претворять это в жизнь.

— Прочь! Все с дороги!

Бесчисленное множество уличных лотков было опрокинуто, а разлетевшиеся по земле овощи и снедь оказались растоптаны копытами лошадей в кашицу.

Глядя на удаляющегося Даоса Цинсюя, чья фигура постепенно скрывалась в клубах поднимающейся пыли, Нин Синчжи вдруг произнес:

— Сейчас подумаю — и чувствую себя перед учителем жутко виноватым. В такие преклонные годы заставляю его мотаться повсюду из-за меня.

Раз уж они впервые за долгое время выбрались на Западный рынок, Нин Синчжи решил походить здесь вместе с Дуань И, прикупить съестного, а заодно взять что-нибудь для ребят из гарнизона.

Шагая рядом, оба несли полные руки всякой всячины, и Нин Синчжи уже собирался нанять повозку, чтобы вернуться, как вдруг за спиной раздались истошные крики и перепалка.

Нин Синчжи холодно усмехнулся:

— Что за шелудивые щенки вопят?

— Смеешь оскорблять нас! — Взмахнув хлыстами, юноши бросились на Нин Синчжи.

Нин Синчжи рассмеялся:

— Да я не просто смею вас оскорблять! Я вас ещё и отлупить смею!

С этими словами лицо его сурово застыло, и хлыст змеей взметнулся навстречу нападающим.

Нин Синчжи вовсе не собирался калечить людей — он лишь хотел как следует проучить зарвавшихся юнцов, поэтому тщательно рассчитывал силу ударов. Не прошло и мгновения, как вся эта компания уже валялась на земле.

Корчась от боли и катавшись по мостовой, они глядели на стоявшего перед ними парня, у которого даже волосы не растрепались, со смеси дикой злобы и бессильной ненависти.

Подойдя к главарю шайки, Нин Синчжи бросил ему под ноги свой хлыст и холодно бросил:

— Из какого ты рода-племени?

Юноша задрал подбородок и высокомерно процедил:

— Мой дядя — генерал Левой гвардии Цзиньфу! Посмей только тронуть меня — дядя с тебя шкуру спустит!

— Ах, племянник генерала Вэй, значит? — усмехнулся Нин Синчжи. — Тогда запоминай: я — генерал Левой стражи Фэнчэн Нин Синчжи. Ступай к своему дядюшке и передай, что это я тебя избил. Очень уж хочется посмотреть, как он собирается с меня шкуру спустить.

Сказав это, он утешил испуганных простых людей и лишь после этого удалился вместе с Дуань И.

Вернувшись в гарнизон, Нин Синчжи раздал всю купленную снедь ребятам — многие из них даже никогда не пробовали лакомств с Западного рынка.

Пообещав в следующий раз взять их с собой на рынок и уладив все дела, Нин Синчжи уединился в кабинете за служебными бумагами.

Ближе к полудню снаружи внезапно поднялся шум. Выйдя посмотреть в чем дело, Нин Синчжи увидел, что дежурные стражники преграждают путь свирепому и разъяренному Вэй Чэнью.

Прищурившись, Нин Синчжи притворился, будто понятия не имеет о причине визита:

— Какими судьбами генерал Вэй? Чего ради столько гнева?

— Тьфу! — Вэй Чэнью ткнул в него пальцем. — Ах ты, Нин Синчжи, бесстыдный фаворит и лизоблюд! Ты возомнил себя пупом земли? Как посмел избить моего племянника посреди улицы!

Нин Синчжи изобразил на лице крайнее удивление:

— Вот оно что. Только ведь ваш племянник средь бела дня устраивал конные скачки и притеснял простой народ — разве не заслужил он хорошей порки? Или генерал Вэй поощряет беззаконие?

— Ха! — Вэй Чэнью презрительно усмехнулся. — Мало ли что ты брешешь — мол, он скакал по улице, мол, притеснял народ!

— Я видел это собственными глазами, неужто солгу?

Вэй Чэнъи отрезал:

— Мой племянник просто развлекался с простолюдинами, а ты взял и оклеветал пацана! Если хочешь уладить это дело по-хорошему, Нин Синчжи, отправляйся со мной и принеси племяннику извинения. Иначе я доложу самому Вашему Величеству и потребую покарать тебя за самосуд!

— Ой, как страшно! — Нин Синчжи испуганно прихлопнул ладони к груди и сделал приглашающий жест. — Раз генерал Вэй желает подать жалобу трону, прошу вас, милости прошу.

Видя, что Нин Синчжи непробиваем, Вэй Чэнъи разъярился еще сильнее. Злобно бросив: Ну ты у меня дождёшься!, он свирепо развернулся и ушел.

Стражники, проводив взглядом удаляющегося Вэй Чэнъи, обступили Нин Синчжи с тревожными лицами:

— Генерал, скажите, не будет ли неприятностей?

Нин Синчжи покачал головой:

— Его Величество — мудрый и справедливый государь, он во всём разберётся.

После полудня из дворца прибыли евнухи с высочайшим повелением доставить Нин Синчжи к императору.

Едва переступив порог Зала Цзычэнь, Нин Синчжи сразу заметил сидевшего сбоку юношу. Тот переоделся в чистые одежды ярких, кричащих расцветок, которые делали его ещё более живым и заметным.

Сейчас одна нога паренька покоилась на лубке, а сам он горько рыдал, заливаясь слезами — вид у него был жалостливый до невозможности.

Нин Синчжи нахмурился. Он ведь наказывал его слегка, оставляя простор для маневра — покалечить парня он никак не мог.

Вэй Чэнъи, стоявший рядом с племянником, торжествующе уставился на Нин Синчжи.

Отводя взгляд, Нин Синчжи перевёл его на стоявших на коленях перед тронным помостом нескольких мужиков в грубых одеждах, чьи тела мелко дрожали. Сердце у него мгновенно рухнуло вниз.

— Приветствую Ваше Величество. — Нин Синчжи отвесил поклон Не Сюаню.

Не Сюань глухо отозвался, равнодушным взглядом скользнув по Нин Синчжи:

— Генерал Вэй обвиняет тебя в том, что ты избил человека на улице и кичился званием генерала Левого стражи Фэнчэнь. Было такое?

— Ваше Величество, я не бил никого на улице, лишь остановил племянника генерала Вэй, когда тот на конях калечил людей, — ответил Нин Синчжи.

— Вот как? Неужто? — Не Сюань перевёл взгляд на Вэй Чэнъи.

Вэй Чэнъи тут же указал на стоявших на коленях мужиков:

— Ваше Величество, все стоящие здесь на коленях — прямые свидетели.

— Верно ли то, о чем говорит генерал Вэй? — Не Сюань подался вперед, вглядываясь в коленопреклоненных людей.

Те низко опустили головы, усердно колотя поклоны:

— Всё, что сказал генерал Вэй — чистая правда. Младший господин Вэй просто играл с нами, простыми людьми.

— Вот оно как... — Не Сюань посмотрел на Нин Синчжи. — Что ты на это ответишь?

— Мне нечего сказать, Ваше Величество. — Нин Синчжи больше не стал оправдываться.

Если Вэй Чэнъи осмелился пойти на обман императора, значит, всё уже было подстроено заранее. И неважно, угрозами или подкупом заставили этих людей молчать — правды они всё равно не скажут. Спорить дальше не имело никакого смысла.

— Хорошо. — Не Сюань перевел взгляд на юношу, и голос его заметно помягчел: — Вэй Чунь, сколько ударов плетью нанёс тебе генерал Нин?

Вэй Чунь тупо уставился на улыбающиеся глаза Не Сюаня, в груди у него бешено заколотилось сердце, да так, что он даже забыл плакать.

Словно под гипнозом, он выложил чистую правду:

— Один удар.

— Отлично. — Не Сюань улыбнулся, черты его лица разгладились. Таким Нин Синчжи его еще никогда не видел. Губы Не Сюаня шевельнулись, и он бросил Вэй Чэнъи: — Раз генерал Нин первым нанес увечье, я разрешаю тебе вернуть долг втрое.

Мысли Нин Синчжи путались — он никак не мог взять в толк, почему Не Сюань улыбался Вэй Чуню, и почти не слышал, что тот говорил. А когда пришел в себя, они с Вэй Чэнъи уже стояли на площади перед Залом Цзычэнь.

Вэй Чэнъи с длинным хлыстом в руке возвышался на площадке, а Не Сюань и Вэй Чунь расположились в галерее — один стоя, другой сидя.

Не Сюань заложил руки за спину, держась прямо и гордо. На красивом лице не осталось и следа прежней ледяной холодности; косился он исключительно на Вэй Чуня, и во взгляде его сквозило такое мягкое тепло, какого Нин Синчжи никогда у него не видел.

Вэй Чунь, сидя рядышком, тоже задирает голову на Не Сюаня, его глаза сияли, а щёки пылали ярким румянцем.

Глядя на эту сцену, Нин Синчжи почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Заметив выражение лица Нин Синчжи, Вэй Чэнъи испытал злорадное облегчение.

Он давно затаил жгучую зависть к Нин Синчжи, который в столь юные годы взлетел на самую вершину власти, торгуя лишь собственной внешностью. Подумать только, этот щенок посмел поднять руку на Вэй Чуня! Зеленый сопляк решил потягаться с ним?

Взмахнув хлыстом и глядя на Нин Синчжи с ехидной улыбкой, Вэй Чэнъи процедил:

— Генерал Нин, не обессудьте! — И со свистом обрушил хлыст.

Нин Синчжи тупо уставился на Вэй Чэнъи остекленевшим взглядом. Лишь когда удар устремился прямо ему в лицо, инстинкт подсказал ему увернуться, но было слишком поздно — он успел лишь чуть подать корпус вбок.

Хлыст тяжело впечатался в плечо, хлестнув хвостом по шее. Одежда лохмотьями слетела с рассеченной кожи, на шее заалели капли крови, но сам Нин Синчжи казался совершенно бесчувственным к боли.

Удар следовал за ударом. Получив все три удара сполна, Нин Синчжи снова перевел пустой взгляд на галерею, но там уже никого не было.

Вэй Чэнъи тоже удалился внутрь Зала Цзычэнь. Нин Синчжи, словно ходячий мертвец, поплелся следом, но дорогу ему преградили стражники.

Вышедший из зала Ван Фуси, увидав окровавленного человека в изодранных одеждах, слегка отвернулся, не в силах смотреть на это зрелище. Подойдя ближе, евнух со вздохом произнес:

— Маленький господин, Ваше Величество велел вам возвращаться.

— Цзюнь-гун... — глаза Нин Синчжи покраснели. — Кто он... этот Вэй Чунь?

<http://bllate.org/book/22060/2293784>